

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

**ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 5
volume 5**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Байсунгур-мирза и его роль в культурной и политической жизни Хорасанского султаната Тимуридов первой трети XV века

О. Ф. Акимушкин
(Институт востоковедения РАН)
(Санкт-Петербург)

1. Байсунгур-мирза¹ и персидская культура

Личность внука Тимура Гийас ад-Дина Байсунгур-мирзы (21 зу-л-хиджжа 799—7 джумада I 837/15 июля 1397—19 декабря 1433) — третьего сына Шахруха (778—25 зу-л-хиджжа 850/1377—13 марта 1477) и Гаухаршад-Ага (уб. в Герате 9 рамазана 861/31 июля 1457 г.) не вызвала сколько-нибудь значительного интереса у отечественных востоковедов-мидиевистов и они обделили Байсунгура вниманием в своих исторических разысканиях². Вместе с тем роль, которую сыграл в истории культуры Ирана первой трети XV века этот энергичный и талантливый представитель второго поколения Тимуридов³, оказалась столь неоднозначной и столь заметной, что историки персидской классической литературы, культуры и искусства средневекового Ирана не могли не отметить ее и обращались уже исключительно к этой стороне его многогранной деятельности. Последнее нашло свое отражение в том, что практически во всех серьезных трудах, посвященных Абу-л-Касиму Фирдоуси (940—20-е гг. XI в.) и его "Шāх-нāме", Абу Мухаммаду Илйасу Низами Ганджави (ум. в 1209 г.) и его "Ҷамсе", литературному наследию и творчеству Амира Хусрава Дихлави (1253—1325), а также поэтам гератского круга — его современникам (не говоря уже о том, что он создал при своем дворе знаменитое *китāбхāне*, собрав в нем подлинное созвездие выдающихся мастеров "книжного рукоделия"), обязательно упоминается Байсунгур-мирза⁴. Однако, следует отметить, что современные ему авторы исторических хроник особо не акцентировали внимание на этой стороне его деятельности, хотя они и не прошли мимо нее и не оставляли втуне. Их в первую очередь привлекала та роль, которую он сыграл на админи-

стративно-политической сцене Хорасанского султаната, являясь правой рукой отца и де-факто признанным наследником престола.

Известно, что Тимур (ум. 18 февраля 1405 г. в Отраре) рассматривал созданную им империю как лично-семейную (и отчасти клановую) собственность. Поэтому будущее созданного государства и, соответственно, судьбу основанной династии он связывал не столько со своими сыновьями, сколько с внуками⁵. Отсюда и его пристальное внимание к вопросам их воспитания и образования. Тимур отчетливо представлял себе, что внукам предстоит управлять государственными образованиями, основанными на двух социально составляющих структурах: тюркская военно-феодалная кочевая система, с присущей ей тенденцией к анархической вольности, которую держал в узде дисциплины только авторитет победоносного предводителя, и оседлое городское и сельское население (главным образом персоязычное), тесно увязанное и сцементированное административно-государственной бюрократической мусульманской традицией. В этой связи дело воспитания и образования внуков Тимуром рассматривалось как мероприятие серьезного государственного уровня и их сызмальства готовили к амлуа самостоятельных и единоличных правителей. Все внуки проходили воспитание в рамках единой традиции и исключений никому не делалось. Во-первых, потому что не существовало еще определенной и отлаженной системы легитимированного объявления наследником, а во-вторых, каждому внуку практически был уготован личный удел, в границах которого они обладали всеми властными полномочиями⁶.

Сразу же после рождения Байсунгур-мирза, подобно двум своим старшим братьям Улугбеку (род. 22 марта 1394 г.) и Ибрахим-султану (род. 26 августа 1394 г.), был передан кормилице под попечение одной из жен Тимура. В дальнейшем же он воспитывался особым "дядькой" (*атабек*) при дворе под непосредственным наблюдением деда, как и прочие его малолетние родные и двоюродные братья. Одаренный от природы, Байсунгур получил к тому же отменное образование, в котором сочетались тюркские военно-кочевые навыки и племенные традиции с обычаями и этикетом, принятым при средневековых дворах правителей Ирана: он владел пером и разнообразным оружием, разбирался в тонкостях поэзии и в достоинствах лошади, участвовал в литературных диспутах и руководил облавной охотой, писал стихи и водил войска в походы, профессионально ценил музыку и управлял "высшим диваном". Он писал всеми почерковыми стилями классической "шестерки" (*мухаққақ, сулс, насх, таукй, рикә', райхан*)⁷. Причем, в двух первых из числа названных он, согласно профессиональной традиции, считался признанным мастером⁸, а его имя вошло практически во все популярные наставления по искусству художественного письма.

Байсунгур пробовал свои силы и в поэтическом творчестве. Как сообщает Даулатшах⁹, он писал на двух языках: персидском и тюркском¹⁰. С этим его увлечением связан исторический анекдот, рассказывающий о его претензии на литературное имя (*тахаллуç*) "Шāхī", которое уже носил его современник знаменитый персидский поэт Амир Ак-Малик Сабзавари (ум. 1453 г.). Раздосадованный поэт направил мирзе послание в форме *газали*, в котором отстаивал свое право на выбранный *тахаллуç*. По получении послания "Мирза устыдился, совершенно отказался от своего желания (вот справедливость!) и, несмотря на султанство и обладание шахским достоинством, оставил Эмир-Шахи прозвище *шахи* (царственный)"¹¹. Видимо, можно с разных позиций подходить к интерпретации этого сообщения. Однако несомненно, что оно несколько по-иному освещает как природу взаимной связи поэта и мецената, так и определенную степень равенства позиций (пусть в редких случаях) патрона и ряда членов лично подобранного им ближайшего окружения. Заметим, что Шахи Сабзавари числился среди наиболее приближенных к нему доверенных лиц. Вообще вкусы, пристрастия и предпочтения, которых придерживался и которые проявлял Байсунгур-мирза в отношении поэтического мастерства того или иного поэта, либо высказывался по поводу особенностей таланта и одаренности какого-нибудь литератора, помогают до известной степени понять роль и значимость поэзии (и шире — литературы) в культурной жизни элитарных кругов тимуридского социума первой половины XV в.¹² Приходится только сожалеть, что мы не имеем возможности заглянуть в ту интенсивную переписку, в которой, как сообщают¹³, Улугбек, Ибрахим-султан и Байсунгур-мирза излагали друг другу свои мысли и суждения по различным вопросам культуры. Но эта переписка либо канула в вечность и безвозвратно утеряна, либо еще не обнаружена.

Известно, что Байсунгур-мирза очень высоко ценил поэзию Амир Хусрава Дихлави, предпочитая ее творчеству Низами, и неоднократно обсуждал эту проблему с Улугбеком¹⁴. Более того, он столь был увлечен ею, что принялся за составление полного "Дивана" стихотворений этого поэта. Но возникшие на этом пути трудности заставили его прекратить работу¹⁵. Не менее высоко оценивал он оды поэта — панегириста династии Музаффаридов сейида Джалал ад-Дина б. ʿИзад ад-Дина ʿИязди (перв. половина XIV в.)¹⁶; а также стихи Шамс ад-Дина Табаси (ум. в 626/1228—29 г.), чей "Диван" он поручил переписать своему фавориту мастеру каллиграфии Шамс ад-Дину Мухаммаду Харави, известному как Шамс Байсунгури¹⁷. При своем дворе в Герате Байсунгур-мирза создал поэтический круг — своеобразную литературную службу, в составе которой Даулатшах отмечает пять поэтов: Баба

Савда'и, маулана Йусуф Амири, Амир Шахи Сабзавари, Маулана Катиби Турпизи и Амир Йамин ад-Дин Назлабади¹⁸. По всей видимости, указанные лица составляли узкий внутренний круг его *надимов*, т. к. сама служба была значительно шире по своему составу и своим задачам, поскольку Даулатшах не отметил как ряд поэтов и литераторов, что находились при дворе Байсунгура непродолжительное время, так и тех близких ему людей, которые входили в число *надимов*, не занимаясь литературным трудом¹⁹. Панегирики и инвектива, восхваление и прославление патрона, поношение и хула его соперников — основная задача штата придворной литературной службы. Причем, как правило, это облекалось в этикетно-литературные формы, которые были неизмеримо далеки от реальной действительности. Но поэты не только писали хвалебные оды-панегирики или очернительные оды-поношения²⁰. Весьма часто сама атмосфера официальных приемов или интимных застолий наряду с установившейся традицией требовала от них, чтобы они постоянно находились в состоянии готовности к борьбе со своими коллегами по "цеху" за внимание и награду патрона. Поэтому так характерно в их среде стремление отличиться ко времени сказанной шуткой, соленым анекдотом или удачным экспромтом, обойдя и оттеснив соперника. Вместе с тем состояние и дух поэтического соревнования, соперничества и конкуренции поддерживались и непосредственно самим Байсунгур-мирзой, который время от времени поручал кому-нибудь из них написать стихотворные "ответы" на отдельные произведения предшественников²¹.

Несомненна заслуга Байсунгур-мирзы перед персидской культурой и в части великого творения Абу-л-Касима Фирдоуси. Во время чтения эпоса, который в его личной библиотеке был представлен несколькими рукописными экземплярами, он, к своему удивлению, обнаружил, что существуют значительные расхождения между списками и что текст в них не полностью совпадает. Убедившись в этом, Байсунгур распорядился "из нескольких экземпляров выправить один и сделать [его] лишенным изъянов". Предисловие, завершившее проделанную работу, было написано в 829/1425—26 г., по мнению современного иранского ученого Ханбаба Байани, известным историком того времени и старшим современником Байсунгур-мирзы Хафиз-и Абру²². Таким образом появилась т. н. "байсунгуровская" редакция "Шāх-нāме", и имя Байсунгура вошло в историю изучения национального эпоса Ирана. Мы не знаем, поскольку в "Дйбāче" ("Предисловие") ничего об этом не сказано²³, какие принципы были положены в основу работы над "выправлением" текста "Шāх-нāме". Ограничилась ли она только списками из личной библиотеки патрона или составитель-редактор (либо группа таковых) расширил круг использованных рукописей? Не

известна нам также и реакция Байсунгур-мирзы на конечный результат проделанной работы. Тем не менее подготовленный текст был переписан Камал ад-Дином Джа'фаром Байсунгури в Герате 5 джумада I 833/30 января 1430 г. и в настоящее время этот список "Шāх-нāме" хранится в Тегеране в библиотеке Салтанати за № 716²⁴.

Наконец, еще об одной стороне интересов Байсунгур-мирзы. Источники не сообщают, что привлекало его в большей степени в музыкальных композициях — исполнение на инструментах или голосом. Но они подтверждают, что при дворе состояли известные артисты и музыканты. В частности. Даулатшах приводит небольшую зарисовку, завершающуюся остроумным отказом принца отправить (а точнее — продать) своему брату Ибрахим-султану в Шираз знаменитого музыканта Хваджу Йусуфа²⁵.

Такой красочной палитрой рисуют нам источники образ Байсунгура — мецената, почитателя и знатока ставшей ему родной культуры²⁶. Даже если мы примем во внимание обычную (и неизбежную) для авторов того времени значительную степень преувеличения его талантов и способностей, то и в этом случае следует признать неординарность и одаренность личности этого внука Тимура. С другой же стороны следует признать, что Байсунгур-мирза был наиболее ярким представителем складывавшегося нового пласта мусульманской культуры, в синтезе которой приняли участие как персидский, так и тюркский элементы. Результатом этого синтеза в известной степени явился феномен Герата конца XV—начала XVI вв.

2. Байсунгур-мирза и политическая жизнь в Хорасанском султанате первой трети XV века

Источники хранят абсолютное молчание по поводу отношения Шахруха к меценатской деятельности сына. Скорее всего он одобрительно относился к ней, понимая ее необходимость и социальную важность для создания среди персоязычного податного населения образа просвещенного тюркского молодого правителя, чьи интересы не ограничивались только кругом военной тематики и воинской подготовки²⁷. Нет никаких сомнений в том, что Шахрух связывал с личностью Байсунгура немалые надежды в качестве своего преемника на троне Хорасанского султаната, и тот, следует признать, эти надежды оправдывал. С юношеского возраста Байсунгур-мирза постоянно находился в центре событий, участвуя во всех сколько-нибудь существенных внешне- и внутриполитических акциях, проводимых Шахрухом, и выполнял различные миссии, возлагавшиеся на него отцом. Источники, сообща-

ющие о принятых им решениях и действиях в этой связи, позволяют нам сделать вывод, что он был человеком политически решительным, смелым и целеустремленным, обладавшим несомненными качествами лидера и руководителя, умевшим разбираться в мотивациях человеческих поступков и подбирать себе деятельных помощников²⁸. Наконец, можно сказать, что он умел себя поставить и постоять за себя, за свои взгляды и принятые единожды решения.

Шахрух выделил ему, как и всем своим сыновьям, внукам и отчасти племянникам, в *сойургал* значительные земельные угодия Хорасанского султаната. В этот удел, согласно Фасиху Хувафи²⁹, вошли, образовав его личный домен, Тус, Мешхед, Абивард, Салмакан, Джармуган, Хабушан, Йазар, Астрабад и Кабуджам. Абд ар-Раззак Самарканди добавляет к этому перечню еще Мазандеран и Шасфан³⁰. Согласно Даулатшаху, относящего к его домену также Джурджан, Дехистан, Нисау, Семнан, Капан и Шибангара, в стоимостном исчислении его недвижимое имущество и земли (*амвāl va иқтā*) оценивались в 600 кепекских *туманов*³¹. Домен Байсунгура, видимо, окончательно сформировался в конце зу-л-хиджжа 817/февраль 1417 г.³², когда он совершил первую инспекционную поездку по своим владениям, входившим в состав провинций Хорасан, Гурган и Астрабад. Вместе с тем отметим, что он лишь от случая к случаю навещал свой удел, подолгу не оставаясь там. Практически он неотлучно находился в Герате и при отце: либо при нем лично, либо замещая его, либо сопровождая его в походах.

В мухарраме 813/май-июнь 1410 г. Шахрух отправился к Улугбеку в Самарканд, чтобы помочь старшему сыну наладить административную систему управления местным султанатом. В Герате, согласно Хвандамиру, он оставил наместником (*ба хукӯмат-и Харāt*) Байсунгура, но Абд ар-Раззак уточняет: своим заместителем (*ка'им-и мақām-и āн хазрат*).³³ 14 мухаррама 817/4 апреля 1414 г. с связи с тем, что Шахрух двинулся с войсками в Азербайджан против Кара-Йусуфа Каракойунлу, в действиях которого он не без основания увидел угрозу собственным интересам в Западном Иране, Байсунгур был вызван отцом в Герат и получил право в его отсутствие вершить делами Хорасана. Байсунгур-мирза исполнял эту должность с 4 сафара по 22 раджаба/25 апреля—7 октября того же года³⁴. Спустя год он уже сопровождал отца в карательном походе на Шираз, предпринятом Шахрухом против своего мятежного племянника мирзы Байкары сына Омаршайха. Поскольку мирза Байкара разбил в Фарсе Ибрахим-султана, незадолго перед этим посаженного отцом в Ширазе вместо смещенного и ослепленного Искандер-султана — брата Байкары, то реакция Шахруха была молниеносной — он лично отправился в поход. 5 ра-

мазана 818/8 ноября 1415 г. Байкара сложил оружие и сдался на милость победителей. Правда, перед этим шагом он успел заручиться поддержкой Байсунгура, который выступил ходатаем за него перед отцом и тем самым смягчил его участь: он был направлен в Кандагар под надзор своего брата Кайду³⁵.

В 820/1417-18 г. Шахрух назначил его на должность "амйр-и дйвāн", которую он сохранял за собой до конца жизни. Таким образом Байсунгур возглавил центральное административно-финансовое ведомство государства³⁶. В. В. Бартольд считал это назначением на пост *везира*³⁷. Однако *везирем* как был, так и остался сейид Фахр ад-Дин Ахмад³⁸, а Байсунгур занял более высокое место в бюрократической иерархии — пост, позволявший ему контролировать деятельность персидской центральной бюрократии. Вскоре после этого назначения Шахрух по его инициативе ввел должность второго *везира*, которым стал Низам ад-Дин Пир-и Ахмад. Оба везира отвечали за состояние финансовых дел в стране³⁹, а Байсунгур-мирза, как представитель династии, наблюдал за их деятельностью, будучи *амиром* "высшего дивана" (*дйвāн-и ас-ла*)⁴⁰. Вполне вероятно, что при Байсунгуре "высший диван" начал приобретать ту структуру, которая четко сложилась к началу правления Хусайна Байкары (1469—1506), т. е. появляется система двух уровней: ведомство, которое возглавлял *амйр*, или *бек*, занимавшееся делами, включая налогообложение, тюркских племен, а следовательно, и воинскими формированиями, и ведомство, во главе которого стоял *везир* (или два *везира*) и в функции которого входили контроль за поступлением налогов с податного оседлого населения и за фискальной деятельностью региональных диванов. Последнее ведомство административно подчинялось первому и в то же время — непосредственно правящему династу.

В том же году Байсунгур, выполняя указание отца, выступил в поход "со своими туманами" на хазарейцев. Но уже в самом начале эта акция была приостановлена, а затем и отменена в связи с прибытием извинительного посольства от "афгāн-и хазāре"⁴¹. 11 ша^сбана 823/21 августа 1420 г. Шахрух выступил из Герата в поход против правителя Азербайджана Кара-Йусуфа Каракойунлу. Когда все войска собрались к установленному сроку в Нишапуре, 29 рамазана/7 октября того же года Байсунгур был поставлен во главе авангарда армии, а функции военного советника при нем исполнял опытный военачальник амир Алика Кукельташ⁴². После того как армия Шахруха взяла Султанию, Байсунгур с войсками авангарда стремительным броском взял Тебриз (середина зу-л-ка^сда/конец ноября того же года). После чего там была отчеканена монета с именем Шахруха, во всех мечетях во время пятничной *хутбы* имя последнего было провозглашено в качестве пра-

вящего монарха⁴³. Из Тебриза он привез в Герат несколько мастеров рукописной книги, которые составили основу штата его библиотеки-мастерской⁴⁴. После покушения на жизнь Шахруха, имевшего место в кафедральной мечети Герата 23 раби^с II 830/21 февраля 1427 г., Байсунгур-мирза возглавил следствие и, судя по сообщениям источников, проявил должную оперативность, смекалку и сообразительность при проведении дознания и распутывания этого дела⁴⁵. Когда спустя три месяца после покушения еще неоправившийся Шахрух вынужден был отправиться в Самарканд к Улугбеку, чтобы на месте выяснить обстоятельства, приведшие к сокрушительному поражению последнего в кампании против узбеков Барак-оглана, Байсунгур-мирза находился в составе его кортежа. Присутствие брата в свите отца вызвало у Улугбека определенную обеспокоенность и он потребовал, чтобы тот отправил брата обратно в Герат. По прибытии в Балх Шахрух так и поступил⁴⁶. Опасения и тревога Улугбека имели под собой реальные основания, т. к. Шахрух, видимо, был близок к мысли о том, чтобы лишить старшего сына трона Мавераннахрского султаната.

Очередной конфликт между Искандаром Каракойунлу и Тимуридами привел к очередной военной экспедиции в Азербайджан. В этом походе Байсунгур возглавлял авангард (*мангалай*) армии Шахруха, выступившей из Герата 5 раджаба 832/10 апреля 1429 г. В качестве помощников при нем состояли такие опытные военачальники, как амир Алика Кукельташ и Шайх-Лукман барлас⁴⁷. Кампания завершилась полным успехом. Байсунгур вначале взял Тебриз⁴⁸, а затем, командуя левым крылом армии (*джавангар*), принял участие в решающей битве под Салмасом (18 зу-л-хиджжа 832/18 сентября 1429 г.), в которой Искандар был наголову разбит⁴⁹. В середине сафара 835/вторая половина октября 1432 г. Байсунгур, отправившись на зимовку (*киш-лак*) в Мазандеран и Астрабад, получил указание отца провести ревизию деятельности региональных правителей и "навести подобающий там порядок и справедливость"⁵⁰.

Гийас ад-Дин Байсунгур-мирза страдал хроническим алкоголизмом и умер от запоя в своей гератской резиденции Баг-и сафид в ночь на субботу (или ранним субботним утром) 7 Джумада I 837/19 декабря 1433 г. Он был погребен при громадном стечении народа в Герате в Мадраса-йи Гаухаршад-Ага, возведенной его матерью⁵¹. После него осталось три сына: Рукн ад-Дин мирза °Ала ад-Даула (1 джумада I 820-20 февраля 865/17 июня 1417-5 декабря 1460), Кутб ад-Дин мирза Султан-Мухаммад (821-15 зу-л-хиджжа 855/1418-8 января 1425) и Му^сизз ад-Дин мирза Абу-л-Касим Бабур (17 раджаба 825-25 раби^с II 861/7 июля 1422-22 марта 1457)⁵². Старший сын °Ала ад-Даула унаследовал

весь его домен в качестве личного сойюргала, а также руководство "высшим диваном"⁵³.

Примечательно, что Байсунгур-мирза, обладая, как и другие сыновья Шахруха, собственным доменом, появлялся в нем лишь эпизодически. Все время он проводил в Герате рядом с отцом, при его дворе. Вполне логично предположить, что Шахрух видел в нем своего преемника и поэтому постоянно держал его при себе. В то же время источники, уделяя его фигуре значительно больше внимания, чем другим сыновьям Шахруха, ни разу не называют его официально провозглашенным, де-юре признанным наследником Хорасанского султаната. Судя по всему он таковым был де-факто, занимая после отца высшие государственные посты и являясь практически его "вторым эго". У нас не вызывает сомнения справедливость высказанного Зеки Велиди Тоганом (А. З. Валидовым)⁵⁴ мнения, поддержанного Х. Рёмером⁵⁵, что как политический деятель и администратор, военачальник и меценат он заслуживал не меньшего (если не большего) внимания историков, чем Улугбек, получивший широкую известность исключительно за свое увлечение астрономией и математикой. Приходится только сожалеть, что В. В. Бартольд, посвятивший два блистательных исследования Улугбеку и Алишеру Навою, не удостоил вниманием Байсунгур-мирзу.

3. Библиотека-мастерская (*китабхәне*) и Байсунгур-мирза

Нет сомнений в том, что *китабхәне* функционировала при дворе Байсунгур-мирзы еще до 823/1420 г., поскольку в ней уже работали каллиграф Камал ад-Дин Джаффар Табризи и миниатюрист Хваджа Гийас ад-Дин наккаш⁵⁶. Именно в этом году Байсунгур-мирза привез с собой из Тебриза в Герат ряд мастеров рукописной книги, среди которых Дуст-Мухаммад отмечает *устада* Сиди Ахмада *наккәша*, Хваджу Али *мусаввира* и *устада* Кавам ад-Дина *муджаллида* Табризи⁵⁷, т. е. иллюминатора, художника и переплетчика. С этого момента начался блистательный период истории библиотеки-мастерской, в стенах которой были собраны лучшие мастера "книжного рукоделия", создавшие уникальные высокохудожественные рукописные книги для своего патрона. Ведь Байсунгур-мирза создал *китабхәне* лично для себя и для удовлетворения своих запросов.

Мастерская, как магнит, притягивала к себе таланты со всего обширного региона Среднего Востока. Она стала подлинным центром по производству лицевых списков и, более того, центром традиционных художественных промыслов и ремесел. С легкой руки Ф. Марти-

на — шведского дипломата и одного из пионеров научного изучения персидской книжной миниатюры — мастерская получила название "Байсунгурова Академия" (1912 г.). Название это привилось и стало расхожим как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе. Оно эффектно звучит, но абсолютно некорректно.

Даулатшах Самарканди называет мастерскую *китāбхāне*⁵⁸, т. е. это была библиотека восточного типа вкупе с ателье, в котором под наблюдением управляющего — *китāбдāра* создавались специально для патрона шедевры рукописной книжности. Вслед за ним точно так же называют мастерскую в своих сочинениях Гийас ад-Дин Хвандамир⁵⁹, Дуст-Мухаммад ал-Харави⁶⁰ и Абу Наср Сам-мирза⁶¹, видевшие в *китāбхāне* только ателье с указанными выше функциями. Вместе с тем младший современник Байсунгура хронист Абд ар-Раззак б. Исхак ас-Самарканди (1413—1482), отмечая его глубокую увлеченность (в ряде случаев с чисто профессиональным подходом) искусством рукописной книги и художественным ремеслом, никак не называет мастерскую и замечает, что в ней наряду с мастерами "книжного рукоделия" (каллиграфы, иллюминаторы, миниатюристы, переплетчики и др.) работали золотых дел мастера (*заргарāн*), столяры (*наджжāр*), инкрустаторы (*хāтимбандāн*), мозаичисты (*кāшйтарāшйāн*), специалисты по чеканке и художественной ковке (*хаддādй*)⁶². Естественно, что авторы специальных трактатов по искусству художественного письма и книжному делу включили часть мастеров *китāбхāне* в число элиты, творчество которых уже традиция возвела в ранг образцов для подражания, и окружили их имена ореолом причудливых легенд, где истина столь тесно переплеталась с вымыслом, что разделить их подчас просто невозможно.

Источники приводят различные данные о составе мастеров *китāбхāне*. °Абд ар-Раззак называет каллиграфов: Маулана Захир ад-Дин ал-Харави, Маулана Джа°фар Табризи, Маулана Захир ад-Дин Азхар, Маулана Шихаб ад-Дин °Абдаллах и Маулана Джалал ад-Дин Шайх Махмуд, одного иллюминатора (*наққāш*): Сайф ад-Дин Вахиди и одного миниатюриста (*наққāш*): Гийас ад-Дин, о котором говорилось выше⁶³.

Даулатшах называет Джа°фара Табризи, величая его *сарāмад-и куттāб* (предводитель каллиграфов), и художника Маулану Халила *му°саввира*, который "был вторым Мани"⁶⁴. Вместе с тем, по его словам, в *китāбхāне* работало сорок мастеров.

Дуст-Мухаммад ал-катиб подтверждает сведения °Абд ар-Раззака и Даулатшаха и добавляет к их общему списку художника °Али *му°саввира*, иллюминатора Сиди Ахмада и переплетчика Кавам ад-Дина Табризи⁶⁵.

В 1587 г. турецкий литератор, историк и биограф ʿАли Челеби Эфенди в своем труде "Манāқиб-и хунарварāн" (Жизнеописания людей искусства) назвал двадцать пять человек из состава *китāбхāне* Байсунгура. Список пестрит явными ошибками. В нем оказались девять мастеров, которые еще не появились на свет, когда *китāбхāне* уже функционировала. Кроме того в него вошли также литераторы и надимы из ближайшего окружения этого Тимурида — такие, как Амир Ак-Малик Шахи Сабзавари (ум. в 1453 г.), Мухаммад Катиби Турпизи (ум. 1436 г.), Йахйа Сибак Нишабури (ум. в 1448 г.) и другие⁶⁶.

Данные, приведенные выше (сведения ʿАли Челеби Эфенди мы не принимаем во внимание, как явно ошибочные), позволяют прийти к выводу, что *китāбхāне* Байсунгура не была простым ателье по производству рукописей. Она скорее напоминала собой объединение придворных художественных и ремесленно-строительных мастерских (*кārхāне*, *бӯйӯтāн*), в которых работало достаточно большое число мастеров высшей квалификации. Однако сегодня, спустя 560 лет после смерти основателя этих мастерских, мы можем как бы заглянуть в самую гущу жизни *китāбхāне*. Эту уникальную возможность предоставляет нам подлинный документ⁶⁷ той эпохи — официальный доклад-отчет (нечто напоминающее современную докладную записку) — *ʿарзадāшт*, направленный Байсунгуру руководителем мастерских (в тексте они названы *китāбхāне*), по всей видимости, Камал ад-Дином Джаʿфаром Байсунгури Табризи где-то между концом 1427 и началом 1431 г. Этот документ был обнаружен проф. Зеки Веледи Тоганом в "Джунг-и Йаʿқубӣ" (другое название "Альбом Фатиха") в древлехранилище Топкапы-Серай (Стамбул, рук. № Н. 2153, л. 98а), который сообщил о нем в 1948 г. Но прошло более четверти века, прежде чем документ был опубликован в Турции.⁶⁸

Содержание документа не оставляет никаких сомнений в том, что *китāбхāне* была по меркам того времени грандиозным заведением. Она была создана с размахом, присущим самому Тимуру, — деду ее создателя и организатора. Действительно, в ней работали люди самых разных профессий, связанных с художественными промыслами и архитектурной деятельностью. В этом отношении сведения ʿАбд ар-Раззака оказались точными. В данный момент нас интересуют прежде всего те мастера, которые по роду своих занятий были связаны с производством рукописной книги, поскольку детальный анализ всего документа выходит за рамки настоящей статьи.

Итак, руководитель-распорядитель *китāбхāне*, а этим лицом мог быть только Джаʿфар Байсунгури, поскольку, как утверждают все источники, именно он занимал этот пост при Байсунгур-мирзе, докладывает о работе, проделанной всеми мастерами *китāбхāне* (кто, чем и

как занят) на день написания докладной. При этом он перечисляет, включая себя, 25 человек из состава мастерской и дает краткую справку об их работе над рукописями. Отмечаются следующие мастера "книжного рукоделия":

1. Пять каллиграфов — Маулана Шамс, Маулана Кутб, Маулана Са^д ад-Дин, Маулана Мухаммад-и Мутаххар и автор *‘арзадāшт*. Эти лица достаточно хорошо известны и их имена легко поддаются идентификации.

2. Два художника — Амир Халил и Хваджа Гийас ад-Дин *наққāш*. Распифровка их имен трудностей тоже не вызывает. Значительно сложнее обстоит дело с остальными мастерами *китāбхāне*.

3. Тринадцать оформителей рукописей (*наққāш*, *музаххиб*, *джадвāлкаш*) — Маулана [‘]Али, Маулана Шихаб, Махмуд, Хваджа [‘]Атай, Хаджжи, Хатай, [‘]Абд ас-Салам, *устад* Сайф ад-Дин, Хваджа Мир Хасан, Мир Шамс ад-Дин б. Хваджа Мир Хасан, Маулана Шамс, *устад* Даулат-хваджа, Хваджа [‘]Атай *джадвāлкаш*.

4. Три переплетчика (*муджаллид*) — Маулана Кавам ад-Дин, Хаджжи Махмуд и Хваджа Махмуд.

5. Два мастера — создатели узоров (*таррāх*) — Хваджа [‘]Абд ар-Рахим и Мир Даулатйар. Эти мастера создавали узоры для последующего их переноса на изделия из различного материала (кожа, ткани, ковры, фаянс, изразцы и т. п.).

Говоря о книгах, которые находились в процессе производства, автор "Докладной" упоминает девять списков, а также поименно называет тех мастеров "книжного рукоделия", что были заняты их изготовлением: пятеро каллиграфов, трое переплетчиков, двое художников, один оформитель цветных полос-рамок, обрамляющих тексты, и пятеро иллюминаторов. Всего — шестнадцать человек.

1. "Гулистāн" Са^дй. Художники — Амйр Халил и Хвāджа Гийас ад-Дйн, иллюминаторы — Маулāнā Шихāб и Хвāджа [‘]Атā.

2. "Шāх-нāме" Фирдоусй. Каллиграф — автор "Докладной" Джа[‘]фар ал-Бāйсунгурй, иллюминатор — Маулāнā [‘]Алй, изготовитель цветных рамок — Хвāджа [‘]Атāй, переплетчик — Маулāнā Қавām ад-Дйн.

3. "Расāил". Каллиграф — Маулāнā Шамс, художник — Хвāджа Гийас ад-Дйн, переплетчик — Хаджжй Махмуд.

4. "Расāил-и хатт-и Хвāджа". Переплетчик — Хвāджа Махмуд.

5. "Дйвāн-и Хвāджў [=йи Кирмāнй]". Иллюминаторы — Махмуд и Маулāнā Шамс, изготовитель рамок — Хвāджа [‘]Атāй.

6. "Тārйх" [-и Джахāнгушā-йи Джувайнй]. Каллиграф — Маулāнā Са^д ад-Дйн, иллюминатор — Хвāджа [‘]Атā, изготовитель рамок — Хвāджа [‘]Атāй.

7. "Тәрйх-и Табарй". Каллиграф — Маулāнā Қутб.

8. "Шāх-наме" Фирдоусй. Каллиграф — Маулāнā Муҳаммад-и Мутаххар.

9. "Нузхат ал-арвāх" [Мйр Фаҳр ас-Сādāта]. Каллиграф — автор "Докладной" Джафар ал-Байсунгурй.

Кроме того отмечаются два завершённых поэтических альбома-киштй, над которыми работали соответственно иллюминаторы Маулāнā Шамс и Абд ас-Салам, а иллюминаторы Хаджжй и Хатāй еще трудились над двумя другими подобными альбомами.

Насколько известно, пока до наших дней дошло 19 рукописей из библиотеки Байсунгура, имеющих на л. 1а в шамсе-экслибрисе помету: *ба расм-и хазāнат ал-кутуб (или китāбхāне) ас-Султāн ал-афзам ал-афдал ал-акрам Гийāс ас-салтанат вад-дйн Байсунгур Бахāдур хāн...* Два списка из этого числа были присланы ему в дар и не имеют отношения к его детищу⁶⁹, но остальные семнадцать были исполнены в мастерской. Впервые список дошедших до нас рукописей был составлен известным английским знатоком персидской миниатюры Б. Робинсоном⁷⁰. Этот список включал 12 рукописей (в том числе две, о которых речь уже шла выше), остальные семь удалось выявить автору этих строк. Рукописи эти следующие:

1. Садр ад-Дин Мухаммад ан-Нишабури. "Тāдж ал-мā'асир" (Библиотека Восточного факультета СПб университета № 578), каллиграф — Кутб ад-Дин б. Хасан-шах ал-Кирмани, 25 шаввала 829/31 августа 1426 г. (л. 289б). Л. 1а — шамсе (экслибрис) с именем Байсунгур-мирзы.

2. Балами. "Тарджума-йи Тәрйх-и Табарй" (СПб, РНБ, ПНС 49), каллиграф — Кутб ад-Дин б. Хасан-шах ал-Кирмани, Герат, 20 джумада II 833/16 марта 1430 г. (л. 497а). Л. 1а — шамсе (экслибрис) с именем Байсунгура.

3. Фирдоуси. "Шāх-наме" (Тегеран, библиотека Малик № 6531), каллиграф — Мухаммад /б./ Мутаххар Нишабури. Герат, шабан 833/май 1430 г. (л. 438б). Л. 1а — шамсе (экслибрис) с именем Байсунгура.

4. Джувайни. "Тәрйх-и Джахāнгушāй" (СПб, РНБ, ПНС 233), каллиграф — Саф [ад-Дин] ал-Машхади. Герат, конец раби I 834/декабрь 1430 г. (л. 279а). Л. 1а — шамсе (экслибрис) с именем Байсунгура.

5. Хамза б. ал-Хасан ал-Исфাহани. "Тәрйх-и Исфahāн" (Лондон, Британская библиотека, От. 2773), каллиграф — Джафар ал-Байсунгурй, конец шабана 834/начало мая 1431 г. Л. 2а — шамсе (экслибрис) с именем Байсунгура.

6. Абу-л-Ма^сали Насраллах. "Калйла ва Димна" (Стамбул, Топкапы Серай, Н. 362), каллиграф — Джа^сфар, Герат, 834/1430-31 г. (л. 172а). Л. 1а — *шамсе* (экслибрис) с именем Байсунгура.

7. Хафиз-и Абру. "Маджма^с ат-таварйх" (СПб, РНБ, Допн, 268). Только две первых части (*рукн*) труда. Л. 1а — *шамсе* (экслибрис) с именем Байсунгура.

Замечательно то, что из девяти рукописей, находившихся в процессе изготовления и отмеченных по названиям в "Докладной", по крайней мере пять сохранились и дошли до наших дней. Это:

1. "Гулистан" Са^сди (Дублин, библиотека Честер Битти, № 119), каллиграф — Джа^сфар ал-Байсунгурй, Герат, 830/1427 г. Л. 1а — *шамсе* (экслибрис) с именем Байсунгура.

2. "Шāх-нāме" Фирдоуси (Тегеран, библиотека Салтанати, № 716), каллиграф — Джа^сфар ал-Байсунгури, 5 джумада I 833/30 января 1430 г. (л. 350б). Л. 1а — *шамсе* (экслибрис) с именем Байсунгура. В колофоне указано, что переписка произведена по его же указанию⁷¹.

3—5. "Тārйх-и Табарй", "Тārйх-и Джахāнгушā-йи Джувайнй" и "Шāх-нāме" Фирдоуси были упомянуты выше (см. №№ 2, 4, 3 соответственно)⁷².

Как личное горе восприняли мастера *китāбхāне* смерть патрона. Часть из них, объединившись с его *надимами* и литераторами, входившими в узкий круг доверенных лиц, составили сборник из траурных элегий, условно названный "Байсунгур-нāме" (Тебриз, библиотека Мелли, № 2967). Его переписал знаменитый Захир ад-Дин Азхар в 837/1434 г. (*тārйх* в колофоне (л. 26б), составлен неким Мауланой Мухаммадом. Л. 1а — *шамсе* (экслибрис) Рукн ад-Дина ^сАла ад-Даула — сына Байсунгура⁷³.

После смерти Байсунгур-мирзы мастерская в полном составе перешла к его старшему сыну и наследнику ^сАла ад-Даула⁷⁴. Во время бурных событий, вызванных смертью Шахруха в 850/1447 г., она частично распалась, а частично была увезена мирзой Улугбеком в Самарканд, где после гибели в 853/1449 г. окончательно прекратила свое существование⁷⁵. Большинство мастеров покинули Мавераннахр и уехали в Иран или Герат (например, каллиграфы Азхар и Таббах)⁷⁶. Таким был конец этого некогда удивительного сообщества мастеров — создателей шедевров художественной рукописной книги. Их творения и ныне восхищают нас и являются предметом законной гордости народов, населяющих весь этот регион. Бывшая первоначально конгломератом представителей различных школ каллиграфии и живописи Ирана (Тебриз, Шираз, Керман, Мешхед, Нишапур), а также мастеров, работавших в Герате и Мавераннахре, *китāбхāне* в результате их про-

должительной работы и совместного творческого содружества создала особую школу добехзадовской живописи в Герате и заложила основы хорасанской традиции в каллиграфии. Именно на базе этих традиций столь высоко поднимается искусство художественно оформленной рукописи, которое мы увидим полвека спустя в Герате конца XV—начале XVI в.

4. Были ли в тексте *‘арзадāшт* имена адресата и отправителя

При внимательном изучении документа, впервые опубликованном в оригинале Т. Ленцем и М. Лаури, а также со сделанным ими же его формальным описанием⁷⁷, сразу же обращает на себя внимание как не совсем обычный размер "Докладной" по вертикали (46 см), так и отсутствие в начале официального документа *басмалы*. Последнее — факт разительный! Конечно, это обстоятельство можно объяснить хотя бы тем, что верхний край со временем пришел в ветхость и настолько износился, что пришлось аккуратно обрезать. Поэтому начальные строки текста "Докладной" оказались написанными весьма близко к верхнему краю документа. Но, как нам кажется, это произошло по другой причине. Дело в том, что отсутствие имен адресата и отправителя непосредственно в тексте "Докладной" не должно вызывать недоумения или же представляться необычным. Известно, что в официальной переписке, согласно тогдашнему весьма строго соблюдаемому этикету, подобная практика не допускалась. В этой связи отправитель, отлично осведомленный в тонкостях этих правил, просто не мог себе даже мысленно позволить подобную вольность в обращении к лицу столь высокого ранга, даже если он состоял в числе особо приближенных к его персоне. Кроме того на востоке иранского мира (Хорасан, Мавераннахр) до второй половины XV в. была широко распространена экспедиторская практика, которая сводилась к следующему: переписанный набело и подготовленный официальный документ сворачивался от его конца в свиток-трубочку (*гумār*), так что наружный край свитка совпадал с началом собственно документа. На оборотной стороне этого края указывались адресат, отправитель, а в случае особой серьезности и важности содержания документа записывалось также и имя посланца-курьера. После чего свиток помещался в особый деревянный пенал с шарнирной верхней крышкой (*‘арзчуба*), на который в несколько витков (обычно до девяти) плотно наматывалась тесьма, оба конца которой скреплялись восковой либо

сургучной печатью. В таком виде пенал вручался гонцу-нарочному, а тот доставлял его по назначению⁷⁸.

Отсутствие *басмалы*, а также близкое расположение текста к верхнему краю документа позволяет предположить, что он был исполнен на более длинном листе бумаги. Известно, что чем выше был социальный статус адресата, чем выше был его пост на иерархической лестнице администрации, тем длиннее выбирался свиток для письменного обращения к нему — регламентированный знак подчеркнутого уважения к положению адресата. Думается, что "докладная" была написана на бумаге длиной в один канонический локоть — *зар*^c (49,875 см), а в настоящее время ее длина составляет 46 см. Если согласиться с высказанным выше предположением, то в документе не хватает почти четырех сантиметров. Это обстоятельство позволяет тогда объяснить как факт отсутствия *басмалы* на внутренней стороне документа, так и имен адресата и отправителя на его внешней стороне, которые были зафиксированы в верхней ее части. По всей видимости, эта часть, содержащая образец письма и подпись знаменитого каллиграфа Джа^cфара Байсунгури была сознательно обрезана и смонтирована в *ки^cа* либо для какого-нибудь любителя художественного письма, либо эта *ки^cа* вошла в соответствующий альбом, в котором, вполне возможно, пребывает и по сей день.

5. Перевод⁷⁹

"Докладная-челобитная (*‘арзадāшт*)

о тех, кто служит и состоит при счастливой библиотеке-мастерской (*китāбхāне*), чьи глаза столь же полны ожидания [узреть] пыль, поднятую копытами августейшего скакуна, сколь уши отправляющего пост [услышать] призыв "Аллах превелик"⁸⁰, и кто от беспредельного восторга и радости возносит клич "Хвала Аллаху, который удалил от нас печаль!" Поистине, Господь наш — прощающ, благодарен!"⁸¹ до высшего предела небесного свода.

Амīр Халїл [1] завершил вздымающиеся волны в двух морских сценах (*мавзи^c*) из "Гулистāна" и приступит к наложению красок.

Маулāнā ‘Алї [2] на день составления "Докладной" был занят эскизом (*тарх*) *дїбāче*-фронтисписа⁸² "Шāх-нāме". Перед этим у него несколько дней болели глаза.

Хвāджа Гийās ад-Дїн [3] довел две сцены из "Расā'ил" до [момента писания] лиц, еще одна сцена близка к этому же. Сейчас он занят исправлением одной сцены из "Гулистāна", которую испортили.

Маулāнā Шихāб [4] наложил золото на *дйбāче*-фронтиспис, на четыре заставки-лауҳ⁸³ и пальметовидные зубцы-шураф⁸⁴ в *дйбāче*-фронтисписе с нарисованными образами. Он обвел тонкой линией (*тахрйр*) восемь лепестков-розеток (*на^сл*) центрального медальона (*шамсе*) фронтисписа-*дйбāче* и в настоящее время занят исправлением еще одной сцены "Гулистāна".

Маулāнā Қавām ад-Дйн [5] завершил бордюр из узора *ислймй* на лицевых сторонах кожаного переплета "Шāх-нāме" и исполнил рисунок центрального поля переплета (*матн-и джилд*). Он закончил около одной трети грунта, приклеены задняя крышка, корешок и клапан-язык, проведена декоративная канавка (*тарйк*).

Маулāне Шамсу [6] осталось факсимильно воспроизвести (*нақл*) одну часть "Расā'ил", переписанных Хвāджой [Йақўтом Муста^ссимй]⁸⁵, да будет над ним милость Аллаха.

Маҳмўд [7] закончил грунтовку фона в семи из десяти заставок-лауҳ "Дйвāн-и Хвāджў" и сейчас занят оставшимися.

Хāджжй Маҳмуд [8] сделал грунт центрального поля и обвел его линией на переплете для факсимильной копии (*нақл*) "Расā'ил" и сейчас он занят декоративным бордюром (*гузāр*).

Хвāджа Маҳмуд [9] закончил обе крышки переплета к "Расā'ил", переписанных Хвāджой [Йақўтом Муста^ссимй] и сейчас занят корешком и клапаном-языком.

Хвāджа ^сАтāй [10] — мастер по проведению оформляющих линий (*джадвāлкаш*), завершив работу над "Тāрйх", переписанной Маулāной Са^сд ад-Дйн⁸⁶, и над "Дйвāн-и Хвāджў", занят "Шāх-нāме".

Маулāнā Қутб [11] переписал десять разделов (*джузв*) "Тāрйх-и Табарй".

Хвāджа ^сАта [12] закончил [все] части "Гулистāна", а из трех заставок-лауҳ "Тāрйх", переписанной Маулāной Са^сд ад-Дйн⁸⁶, в двух он сделал грунт и сейчас занят их завершением.

Маулāнā Муҳаммад-и Муṭаххар [13] переписал 25 тысяч бейтов "Шāх-нāме".

Хвāджа ^сАбд ар-Раҳйм [14] занимается созданием декоративных узоров (*турўх*) для переплетчиков, иллюминаторов, палаточников (*хаймадўзāн*) и мозаичистов (*кайшйтарайшāн*).

Маулāнā Са^сд ад-Дйн [15] закончил наверсье ларца Бйгум, а одну его сторону подготовил для полировки. В течение следующих пятнадцати дней он завершит оставшуюся [незаконченной] створку двери.

Маулāнā Шамс [16] закончил поэтический альбом-киштй⁸⁷ и сделал грунт одной заставки-лауҳ в "Дйвāн-и Хвāджў".

Хаджжй [17] и Хатай [18] довели работу над двумя другими альбомами-киштй до момента наложения золота.

Еще один альбом-киштй почти завершен Абд ас-Саламом [19].

Все художники-декораторы (*наққашан*) заняты подбором красок и тонированием семидесяти пяти брусьев⁸⁸ [несущей] решетки парадного шатра.⁸⁹

Устад Сайф ад-Дйн [20] в добром здравии и на смену его болезни пришло выздоровление.

Имелся рисунок декора седла работы Мйр Даулатйара [21]. Его копию сделал Хваджа Мйр Хасан [22]. Мйр Шамс ад-Дйн сын Хваджи Мйра Хасана [23] и устад Даулат-хваджа [24] заняты тем, что исполняют его в перламутре.

Я, низайший раб и ничтожнейшая частичка праха [25], закончив переписку трех с половиной частей (*джузв*) "Шах-наме", начал переписку "Нузхат ал-арвах".

Я закончу вознесением молитвы во благо и единственное, что я хочу от нее, это — пусть вечным будет с помощью Мухаммада и его семьи [Вапе] правление.

Строения личного домена (*симарат-и хае*)

Да сделает Аллах их основания прочными до Дня воскрешения.

Резиденция (*даргах*): завершены каменотесные работы, но остаются еще работы по выкладке изразцами надписей и зубцов и они продолжаются. Выложен пол перехода, поставлена на [свое] место шарнирная дверь (*дар-и дандан*) входа в картинную галерею (*сурат-хане*) и установлен выступающий балкон.

Старый дворец: купол и несущий барабан (*бадман*) расписаны до низа лепного карниза (*мукарнас*), заново установлены колонны восточного крыла.

Библиотека-мастерская (*китабхане*), что была заложена для художников (*наққашан*), завершена; художники и переписчики разместились там.

Камнетесы работают над бассейном.

Новый сад: стена, которая, как велено, должна быть [высотой] в шесть рядов кладки (*дай*), местами доведена до четырех рядов, а местами до трех и [строители] работают; заложены фундаменты крытого портика-веранды (*айван*) и передней-вестибюля (*далан*). Большой мост (*шах-пул*) перед айваном вытесан и [мастера] скоро поставят [его] на место.

Сад [внутреннего] двора: южная (*киблй*) стена возведена на три ряда кладки (*дай*) и как только мозаичисты освободятся от работ по

каменной резиденции, они приступят к облицовке нижней части стены (*йзāре*) упомянутого сада.

Закончены глиняный потолок, гипсовый пол и побелка журавлиного дома (*кулангхāне*).

Государев парадный шатер (*хāргāх*)

Четырнадцать кусков (*қитʿа*) для покрытия верха (*тепе торлоқ*)⁹⁰ и семь кусков для покрытия боковых скатов (*бауза*): из всего числа в двадцать один кусок шесть кусков готовы; полностью пришиты орнаментальные сегменты из бархата (*наʿлхā-йи қитʿа*) и из общего числа в двадцать один медальон (*шамсе*), на коих изображены живые существа, для [помещения] в центре фрагментов каллиграфического письма, шесть готовы. Пришито около четверти [всех] медальонов-зубцов (*шураф*), расшитого покрытия (*маҳбас*) и каймы (*хашийа*). Работа над наружным покрытием парадного шатра (*хāргāх*), которое в своей основе из льняного полотна (*мисқāли*), украшения которого из шелковой ткани (*сандалбāф*), а контурная линия которого — золотая вышивка, выполнена приблизительно на одну четверть. И [мастера] заняты ее завершением⁹¹.

Да будет царствование вечным!"

Примечания

1. Источники донесли до нас две формы написания его имени Байсунгур (с графемой *гйн*) и Байсунқур (с графемой *қиф*). Мы отдаем предпочтение первой форме, поскольку именно в такой форме он сам написал свое имя в помете к надписи, выполненной им на *айване* стороны *киблы* мечети Гаухаршад-Ага в Мешхеде. Кроме того два его каллиграф-фаворита Джаʿфар и Шамс ад-Дин писали свое прозвание Байсунгурй также с графемой *гйн*.

2. О нем несколько раз говорит В. В. Бартольд, но всякий раз с фактами, связанными с деятельностью его современников и родичей. Например, отца — Шахруха, брата — Улугбека и т. п. (В. В. Бартольд, Улугбек и его время, — Сочинения, т. II, ч. 2, 1964, с. 100, 112, 118, 139 и др.; т. VII, 1971, с. 106).

3. Этому поколению Тимуридов была практически посвящена международная выставка, функционировавшая в США в течение 1989 г. См. Thomas W. Lentz and Glenn D. Lowry, Timur and the princely vision. Washington, 1989, которое представляет собой каталог этой выставки.

4. Авторы этих исследований опирались при этом на сведения (за исключением "Шах-наме"), приведенные Даулатшахом Самарканди в "Тазкират аш-шуʿарā" завершеном им 27 шаввала 892/16 октября 1487 г., и почерпнутыми у него впоследствии другими персидскими комментаторами. Со временем эти сообщения стали хрестоматийно расхожими, и, собственно, это обстоятельство во многом способствовало известности этого Тимурида. Вряд ли явится откровением тот факт, что при упоминании его имени каждому иранисту (будь то филолог или историк) прежде всего приходят на память слышанные еще на студенческой скамье рассказы упомянутого Даулатшаха. См. The Tadhkiratuʿ sh-Shuʿarā ("Memoirs of the poets") of Dawlatshāh bin ʿAlaʿu ʿd-Dawla Bakhtishāh al-Ghāzī

of Samarqand. Ed. in the Original Persian... by E.G. Browne. London—Leiden, 1901, p. 161, 171, 240, 295, 350—351, 382, 429).

5. Согласно Джону Вудсу, их у него к моменту смерти было 27, да еще 23 правнука. John E. Woods. The Timurid Dynasty. Papers on Inner Asia No. 14, Bloomington (Indiana), 1990, p. 1.

6. Ср. Бартольд, Улугбек, с. 54.

7. Даулатшах, изд. Броуна, 350.

8. Кази-Ахмад, Трактат о каллиграфах и художниках. 1596 — 97/1005. Введение, перевод и комментарии проф. Б. Н. Заходера. М. — Л., 1947, 74. До нас дошло несколько листов Корана, переписанного им почерковым стилем *мухаджжак*, очень большого формата — 101 x 177 см, на каждой странице — 7 строк.

В настоящее время семь листов этого списка хранятся в Мешхеде в библиотеке и музее-усыпальнице имама Ризы (Ахмад Гулчйи-и Ма`анй. Рахнамә-йи ганджйна-йи Қорән. Китабхәна-йи әстан-и қудс. [Техран], 1347/1968, с. 129, № 59), два — в частном собрании А. Судаваара (США) и один — в Metropolitan Museum, New-York, № 1972. 279.

9. Даулатшах, изд. Броуна, 350.

10. Несколько образцов его творчества (на персидском) приводят Кази Ахмад (пер. Заходера, 76) и Алишер Навои (Мажолисун нафонс. Илмий-танкидий текст. Тайёрловчи: Суйима Ганиева. Масъул мухаррир: Вохид Зоҳидов. Тошкент, 1961, 199).

11. Кази Ахмад, пер. Заходера, 75—76; Даулатшах, изд. Броуна, 429. Следует отметить, что только благодаря Байсунгур-мирзе Амиру Шахи, происходившему из рода сербедарских правителей Хорасана, были возвращены некоторые владения его семьи в Себзеваре (Даулатшах, изд. Броуна, 426).

12. Ихсан Йәр-Шәтир. Ши`р-и фәрси дар `ахд-и Шәхроҳ. Техран, 1334/1955.

13. "Между Улугбеком Кӯрағаном, Байсунгур Баҳадуром и Ибрәҳим Султаном, — замечает Даулатшах, — имела место частая переписка и обмен тонкими суждениями". Изд. Броуна, 351.

14. "Амирзәде Байсунгур всесторонне излагал (преимущества) "Ҳамсе" Ҳвәджи Ҳусрава перед "Ҳамсе" Шайха Низамй. Почивший же государь Улугбек Кураган с этим не соглашался и оставался убежденным сторонником Шайха Низамй и между этими двумя достойными царевичами многократно случались горячие споры по этому поводу и они сравнивали оба "Ҳамсе" строка за строкой". — Даулатшах, изд. Броуна, 240.

15. "Почивший султән Байсунгур-хән приложил много стараний и усилий с тем, чтобы собрать сказанное Амир Ҳусравом, и он собрал около 120 тысяч двойных строк (*байт*). После чего он, обнаружив где-то газели Ҳусрава на две тысячи байтов, конх не было в [собранном им] "Дивәне", понял, что собирание этих стихов — занятие, которое трудно завершить, и мечта, которую невозможно достичь. И он оставил [это дело]". — Там же, 240.

16. Там же, 295.

17. Там же, 161. Первым четверым Даулатшах посвящает отдельные заметки-эссе.

18. Там же, 351. (См. также 171, 421—424; 441—443; 426—436; 381—391 соответственно).

19. По всей видимости, в его ближайшее окружение входили также и те одиннадцать человек, которые в связи с кончиной Байсунгура составили сборник из 64 траурных элегий, переписанных в 837/1433-34 г. знаменитым Азхаром Харави для старшего сына патрона `Ала ад-Даула мирзы (Тебриз, Национальная библиотека; № 2967). Их имена: 1) Мауләнә Камәл ад-Дин Джа`фар, известный как Ҳаттәт; 2) Мауләнә Зәхидй; 3) Джаләл Кирмәнй; 4) Джаләл ад-Дин Йусуф изв. как Амирй; 5) Мауләнә Лутфй; 6) Мауләнә Вали (Каландар); 7) Мауләнә Асафй; 8) Сайф ад-Дин Наққаш изв. как Вәхидй; 9) Муншй; 10) Мауләнә Зайн ад-Дин; 11) Мауләнә Муҳаммад Джарйда (?). Четверых из них (№№ 1, 4, 6, 7) упоминает Даулатшах (изд. Броуна, 350, 441 — 443, 469, 517 — 19 соответственно). Имя Сайф ад-Дина Наққаша Вәхидй отмечено в "Докладной" (см.) и упомянуто `Абд ар-Раззаком Самаркандй, который привел полностью написанную этим лицом элегию-тарджибанд из 50 байтов (5 строф). См.: Мағла`ас-са`дайн ва маджма`ал-бахрайн. Тәлиф-и мауләнә Камәл ад-Дин `Абд ар-Раззәқ Самарқандй. Джилд-и дуввум. Ба тасҳйх-и Муҳаммад Шафй`. Чап-и дуввум, Лахор, 1368/1949. Об институте *надимата* и круге обя-

занностей, налагаемых на "доверенных" и "близких к особе" патрона лиц. см.: Julie Scott Meisami. *Medieval Persian Court Poetry*. Princeton Univ. Press, Princeton, 1987, p. 6 — 14.

20. Даулатшах, например, отмечает *касыду* Амӣрӣ, посвященную Байсунгору (изд. Броуна, 441).

21. По его приказу Катиби Туршизи написал "ответ" на *касыду* Камал ад-Дйна Исмаила Исфакани (ум. 635/1237-38), а Бабә Савдә' и получил указание сочинить "ответ" на *касыду* поэта Фарид-и Ахвала, которая была посвящена неподвижным звездам и ночи. См.: Даулатшах, изд. Броуна, 171, 382.

22. Х. Байани. Шах-нама-и Байсунгори ва Хафиз-и Абри — Замима-и маджалла-и Баррасиха-и тарихи, Техран, 1350/1971, VI, № 3, с. 176 — 178.

23. Хотя отмечается то, что хотел бы видеть в нем Байсунгур: "собрать [сведения] о "Книге прошлого", что есть основа "Шах-наме", о тех поэтах, что перелагали ее в стихи еще до того времени, когда этим занялся Фирдоуси, об окончании "Шах-наме" Фирдоуси, об отказе Султана Махмуда [от своего обещания] и об отчаянии Фирдоуси, о *байтах*, что он сочинил в порицание Султана Махмуда; о всем том, что изустно дошло из обстоятельств Фирдоуси; составить таблицу, из коей станут ясными состав разрядов персидских царей и их родословная от Каймарса до Йаздигарда, и книгу переписать. Сия *Дибача* написана в этом порядке согласно высочайшему соизволению" (Байани, ук. соч., с. 177—178).

24. Бадри Атабай. Фихрист-и диванха-и хатти-и китабхана-и Салтанати. Джилд II, Техран, 1535/1976, № 341, с. 840 — 847. Нет необходимости сомневаться в том, что с подготовленного "выправленного" текста "Шах-наме" было снято несколько копий. Помимо указанного лицевого списка с миниатюрами (20 и 1 двойная) в том же *китабхане* Байсунгура была переписана в мае 1430 г. "Шах-наме" этой же версии: каллиграф Мухаммад-и Мутаххар (Тегеран, библиотека Малик, № 6031). К сожалению, никто из текстологов серьезно не работал над этой редакцией и скрупулезно ее не проанализировал. Априорно бытует мнение, что текст этой редакции изобилует позднейшими интерполяциями и очень далек от авторского оригинала. Хотя вместе с тем никто с фактами в руках этого не доказал. По мнению проф. Дж. Халеги-Мотлага, цель составления "байсунгуровской" редакции состояла не в том, чтобы приблизить ее к оригиналу и очистить от интерполяций, а в том, чтобы осовременить язык поэмы и собрать воедино добавления; отсюда поэма в этой редакции содержит более 58 тысяч байтов. — Dj. Khaleghi-Motlagh, *Bāysonḡorī Šāh-Nāma. the Manuscript*. — EI, IV, 1, 1989, p. 9—10.

25. "Несколько раз Султан Ибрахим б. Шахрух из Шираза просил у Байсунгура Хваджу Йусуфа, но тот отказывал. В конце концов он прислал сто тысяч *динаров* наличными, чтобы Мирза Байсунгур прислал ему [взамен] Хваджу Йусуфа. В ответ Султан Байсунгур направил брату сей *байт*: "Мы не продаем своего Йусуфа ты придержи свое несправедное серебро". — Даулатшах, изд. Броуна, 351.

26. Алишер Навои следующим образом отозвался о нем: "Байсунгур-мирза был государем одаренным, щедрым, склонным повеселиться и был он покровителем искусств. Благодаря его попечению много преуспевало бесподобных каллиграфов, художников, музыкантов и певцов. Неизвестно, появлялся ли на свете еще подобный государь, под покровительством которого было бы выпестовано столько выдающихся людей" — Маджалис, изд. Ганиевой, 199.

27. Вероятнее всего, Шахрух поощрял своего сына, если судить о его благожелательной реакции на рассказ ширазца об аналогичных увлечениях Ибрахим-султана. См.: Каззи Ахмад, пер. Заходера, 78. С другой стороны, сам Байсунгур немало сделал для того, чтобы вокруг его личности витал ореол щедрого мецената. Меценатство приносило славу и известность.

28. Очень показательны в этом отношении его оперативные и решительные действия в связи с дознанием, которое он проводил по делу о покушении на жизнь Шахруха, предпринятым Ахмад-и Луром 23 раби II 830/21 января 1427 г. в кафедральной мечети Герата. Хотя покушавшийся был тут же убит Али-султаном каучином, тем не менее по ключу от входной двери, найденном при нем, был обнаружен его дом. — Абд ар-Раззак, изд. Шафи, II, 1, 589—590; Гийас ад-Дин б. Хумам ад-Дин Хвандамир Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад башар, Ба Ихтимам-и Джалал Хумайн, Техран, 1333/1954, III, 615—617, Каззи Ахмад, пер. Заходера, 73.

29. Фасих Ахмад Ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод). Перевод, предисловие, примечания и указатели Д. Ю. Юсуповой, Ташкент, "Фан", 1980, 170.

30. Изд. Шафи°, II, 1, 259.

31. Изд. Броуна, 351. Данные Даулатшаха не подтверждаются другими источниками. Приведенная сумма громадная и по тем, и по нашим временам. О "дйнар-и кепекй" см.: В.В. Бартольд. Мир Али-Шир и политическая жизнь. — Сочинения. т. II, ч. 2, М., 1964, с. 216. Е. А. Давидович. История денежного обращения средневековой Средней Азии. М., 1983, с. 46—50.

32. 'Абд ар-Раззак, изд. Шафи°, II, 1, 259. 298; Фасих, пер. Юсуповой, 170; Ҳабйб, изд. Хума'и, III, 592, 596.

33. Ҳабйб, изд. Хума'и, III, 582; Шафи°, II, 1, 176

34. Там же, III, 588; там же, II, 1, 259.

35. Там же, III, 594 — 595; там же, II, 1, 319.

36. Фасих Хувафи отмечает, что Байсунгур стал "амйр-и дйвāн" в 819/1416-17 г. (Пер. Юсуповой, 170). Ср. также замечание 'Абд ар-Раззака (изд. Шафи°, II, 1, 346): "маснад-и дйвāн-рā". О системе и структуре государственного аппарата при Тимуре и, в частности, о деятельности его центрального звена — *дйвāн-и а'ла* см. В. F. Manz, *The Rise and Rule of Tamerlane*, Cambridge Univ. Press, Cambridge-N.-Y., 1989, p. 107—127.

37. "Байсункар... остался в Герате, где считался везирем своего отца и вместе с ним способствовал блеску его столицы". — Мир Али-Шир, с. 208.

Интересно, что точно также расценил это назначение и писавший более ста лет спустя после событий Ҳвāндамйр (изд. Хума'и, III, 596): "с тем, чтобы, заседая в *Дйвāне*, он справедливым путем разрешал юридические претензии разных слоев подданных".

38. Известный и влиятельный представитель персидской бюрократии. Еще по приказу Тимура он в 807/1404 г. подверг ревизии деятельность дивана Герата и круто обошелся с некоторыми из его чиновников.

39. 'Абд ар-Раззак, изд. Шафи°, II, 1, 346.

40. 'Абд ар-Раззак (изд. Шафи° II, 2—3, 665) замечает в главе о событиях 837/1433-34, что согласно указу Шахруха, старший сын Байсунгура Рукн ад-Дин 'Ала ад-Даула (род. 10 джумада I 820/25 июня 1417 г.) получил по наследству как весь удел отца, так и руководство *дйвāн-и а'ла*.

41. Фасих (пер. Юсуповой, 179—180) указывает датой 23 ша'бана 820/5 октября 1417 г. 'Абд ар-Раззак (изд. Шафи°, II, 1, 365) называет их *афгāн-и хазāре*.

42. 'Абд ар-Раззак, изд. Шафи°, II, 1, 399—400; Ҳабйб, изд. Хума'и, III, 605 указывает другое число — 20 рамазана.

43. Там же, II, 1, 413; там же, 605—608.

44. О. Ф. Акимупкин и А. А. Иванов. Персидские миниатюры XIV — XV вв., М., 1968, с. 9, прим. 17.

45. 'Абд ар-Раззак, изд. Шафи°, II, 1, 584 — 585; Ҳабйб, изд. Хума'и, III, 615—617. См. также выше, прим. 30.

46. Ҳабйб, изд. Хума'и, III, 617.

47. Shiro Ando, *Timuridische Emire nach dem Mu'izz al-ansāb*. Berlin, 1992, s. 126—128.

48. Фасих (пер. Юсуповой, 203) сообщает, что при этом он разрушил в Тебризе ряд построек, возведенных Каракойунлу.

49. 'Абд ар-Раззак, изд. Шафи°, II, 1, 600 — 608; Ҳабйб, изд. Хума'и, III, 618 — 620.

50. 'Абд ар-Раззак, изд. Шафи°, II, 2-3, 639—641. Ҳвāндамир (Ҳабйб, изд. Хума'и, III, 621) сообщает, что зимовка была в Астрабаде и что ему также надлежало провести ревизию состояния дел в Гургане; он же отмечает почетный титул, данный Байсунгуру — "Қуррат ал-'айн салтанат" (Услада державы).

51. 'Абд ар-Раззак, изд. Шафи°, II, 2-3, 657, 659; Ҳабйб, изд. Хума'и, III, 623; Фасих, пер. Юсуповой, 208—209.

52. 'Абд ар-Раззак, изд. Шафи°, II, 2-3, 664.

53. Там же, 665.

О. Ф. Акимущкин. Байсунгур-мирза

54. Zeki Veledi Togan. Baysonghor. — *Islam ânsiklopedisi*, 16 cûz, Istanbul, 1943, с. 428—430.

55. H. Roemer, Bâysongor, Giat-al-Din. — *Encyclopaedia Iranica*, vol. IV, fasc. 1, 1989, p. 6—9.

56. 16 зу-л-ка^да 822/14 декабря 1419 г. он, как представитель Байсунгура, выехал из Герата в составе посольства, отправленного Шахрухом к китайскому двору. Ему было вменено в обязанность вести дневник всего путешествия и скрупулезно все в нем фиксировать. Этот дневник известен в двух версиях: 1. Та, что привел в "Маджма`ат-таварих" (рукн 4), Хафиз-и Аbru (см. издание и английский перевод: K.M. Maitra. *F Persian Embassy to China*. Lahore, 1934) и 2. Та, что помещена Абд ар-Раззаком Самарканди в *Матла`ас-са`дайн* (см. издание и французский перевод: E. Quatremere. *Notices et extraits des Mss. de la Bibliotheque du Roi et autre bibliotheques*, XIV, Paris, 1843, p. 308—341, 387—426). Джа`фар Байсунгури появился в Герате несколько ранее: он прибыл ко двору из Йезда.

57. Акимущкин и Иванов, ук. соч. с. 9, прим. 17.

58. Даулатшах, изд. Броуна, 350.

59. Изд. Хума^и, IV, 47, 57, 59, 160.

60. Дуст-Мухаммад ал-ка^тиб. Муқаддима, рук. Н. 2154 (Топкапы-Серай, Стамбул), лл. 156, 16а.

61. Сām-мйрзā Сафавй. Тазкира-йи Туҳфа-йи Сāmй. Ба тасҳйх ва муқаддима аз Рукн ад-Дйн Хумāйунфарруҳ. Техран, 1355/1976.

62. Изд. Шафи^с, II, 2-3, 654—655. Вместе с тем любовь к искусству и увлечение каллиграфией не помешали ему весьма круто и жестко обойтись со знаменитым мастером Ма`руфом Хатггатом Багдади, учителем его фаворита Шамс ад-Дина Мухаммада Харави, состоявшим в 818/1415 г. в штате придворной библиотеки Шахруха. Он распорядился посадить его в подземелье крепости Ихтийар ад-Дин в Герате (причем, до этого его несколько раз подводили к виселице, как бы ведя на казнь), хотя прямых улик и доказательств участия Ма`руфа в заговоре (830/1427 г.) на жизнь Шахруха, как сообщают источники, не было обнаружено, кроме того, что он был знаком с Ахмад-и Луром. Видимо, в этом эпизоде основную роль сыграла личная антипатия и неприязнь Байсунгура к каллиграфу, вызванная тем обстоятельством, что тот "осмелился", продержав более года у себя "хорошую бумагу", посланную ему Байсунгуром для копии "Хамсе" Низами, отправить бумагу обратно, так и не выполнив "высокого повеления". Подробнее см.: "Абд ар-Раззак, изд. Шафи^с, II, 1, 589 — 590. Хвандамир (изд. Хума^и, III, 616—617) и Кази Ахмад (пер. Заходера, 71 — 73) полностью заимствовали этот пассаж у "Абд ар-Раззака, несколько "расцветив" его.

63. Изд. Шафи^с, II, 2-3, 654 — 655, 660.

64. Изд. Броуна, 350, 340; Даулатшах отмечает его в числе четырех выдающихся талантов, живших в Герате при Шахрухе, "подобных коим не имелось в ту пору в населенной части света".

65. Муқаддима, лл. 5а-б, 8а-б.

66. Махдй Байāнй. Ас̄р ва аҳвāl-и хушнависāн. Наста`лийгнависāн. Дж. I, Техран, 1345/1966, с. 117—118.

67. Сомнения в подлинности "Докладной" были высказаны проф. П. Сучек, которая в докладе, прочитанном на международной конференции в Эдинбурге в 1977 г. сообщила, что, по ее мнению, "Докладная" была написана в Самарканде уже после смерти Байсунгура (см. P.A. Andrews, ук. соч., p. 167, 178; E. Grube. *School of Herat. 1400—1450*. — AVCA, p. 177). Мне не известны мотивы, которыми руководствовалась П. Сучек, придя к такому выводу. Однако то, что пять рукописей из девяти, работа над которыми столь подробно освещена в "Докладной", дошли до нас, а также то, что с четырьмя же из этих пяти я лично работал (все они имеют на первом форзацном листе экслибрис (шамсе) Байсунгур-мирзы и переписаны указанными в "Докладной" каллиграфами), дает мне все основания не согласиться с мнением П. Сучек.

68. Текст *арзадйит*, снабженный переводом, исследованием и комментариями (к сожалению, не всегда точными), был опубликован в Турции в 1976 г. (M. Kemal Ozergin. *Temurlu sanatina ait eski bir belge. Tebrizli Dja`far'in bir Arzi*. — "Sanat Tarihi Yilligi", 1976; VI, с. 471—518), в Иране в 1977 г. (Ахмад Пāрсā-йи Қудс. *Санадй марбу^т ба*

фа`алиятхā-йи хунарī-йи даура-йи Тимурī дар китабхāна-йи Байсунгурī-йи Харāt. — "Мардум ва хунар", 1977, № 75, с. 42—50; текст документа воспроизведен по турецкому изданию на с. 43; чтение в типографском наборе — с. 49—50) и в США в 1989 г. (Thomas W. Lents and Glenn Lowry, *Timur and the princely vision. Persian Art and Culture in the Fifteenth Century*. Washington — Los Angeles, 1989, p. 160), в том же издании (p. 364—365, Appendix I) опубликован английский перевод У. Такстона "Докладной". См. также *A century of Princes: Sources on Timurid History and Art, selected and translated by W. M. Thackston*. Cambridge, Mass. 1989, p. 323—328). Данные "Докладной" были использованы (в части устройства "государева шатра"), переведены и прокомментированы Р. А. Andrews (*The tents of Timur. An examination of Reports on Quriltay at Samarqand, 1404*. — *Art of Eurasian steppelands*. University of London, 1978, p. 167—169), также Oktay Aslanapa. *The Art of bookbinding*. — *The Arts of the Book in the Central Asia*. L., 1979, p. 59), где Асланapa перечислил названных в "Докладной" мастеров художественного переплета и пересказал содержание фрагментов документа, в которых шла речь об их работах. Наконец, Т. У. Ленц предложил свой вариант перевода "Докладной" на английский язык, снабдив его кратким комментарием (Thomas W. Lentz. *Painting at Herat under Baysunghur ibn Shahrukh*, Ph. D. 1985, Ann-Arbor, 1986, p. 147—154, 481—488).

69. Это — "Ғабақāt-и Нāсирī" Джузджāнī (Berlin, Staatsbibliothek. Petermann I. 386), каллиграф — Аҳмад б. Мас`уд ар-Румī. Герат, 814/1411-12 г. Имя Байсунгура написано золотом в колофоне (л. 155б); "Антология персидских поэтов" (Berlin. Kaiser Friedrich Museum Islamische Kunstabteilung, J. 4428), каллиграф — Махмуд ал-Хусайнī, Шираз, 823/1420 г.

70. Robinson B. W. *Prince Bāysonghor's Nizāmi: a speculation*. — *Ars Orientalis*, p. 383—391 (список — с. 384—385).

71. Факсимильное воспроизводство "байсунгуровского" предисловия, колофона, 22 миниатюры и оформление списка было выполнено в Тегеране в 1971 г. См. *The Shahnameh of Firdowsi. The Baysonghor Manuscript: An Album of miniatures and illuminations completed in 833 A.H./1430 A.D. and preserved in the Imperial Library*. Tehran, 1971. Это издание осуществлено Б. Греем.

72. С 4 списками из названных пяти мне лично посчастливилось работать в Тегеране (№№ 2 — 3) и Санкт-Петербурге (№№ 4 — 5).

73. В сборник вошли персидские элегии следующих авторов: 1. Маулāнā Камāl ад-Дин Джа`фар изв. как Ғаҗғāt (л. 2а); 2. Маулāнā Зāхидī (л. 5а). 3. Джалāl Кирмāнī (л. 6б); 4. Амīр Джалāl ад-Дин Йусуф изв. как Амīрī (л. 8б); 5. Маулāнā Лутфī (л. 10а); 6. Маулāнā Валī (л. 12б); 7. Маулāнā Асафī (л. 13б); 8. Вāхидī (л. 18а); 9. Муншī (л. 22а); 10. Маулāнā Муҳаммад (л. 28б), написавший *тāрīх* с датой переписки: (раҳмату Аллāхи `алайхи абад = 648 + 67 + 115 + 7 = 837).

74. Дуст-Мухаммад, л. 8б.

75. Там же, л. 9а.

76. `Абд ар-Раззак, изд. Шафи` II, 2-3, 655, 660.

77. *Timur and the princely vision*, p. 160

78. См. нашу статью "Фрагменты документов с Восточного Памира" — ППВ-1972, Ежегодник. М., 1977, с. 131.

79. Предлагаемый перевод был подготовлен к публикации еще в ноябре 1985 г. как часть и приложение к статье "Из истории культуры Ирана, Афганистана и Мавераннахра: китабхане Байсунгур-мирзы". — "Информационный бюллетень". Специальный выпуск МАИКЦА. М., 1987, с. 80 — 84. Однако строго регламентированный объем "Бюллетеня" не позволил тогда опубликовать данный перевод. С той поры появилось несколько переводов как всего документа, так и его отдельных пассажей (см. выше прим. 67, 69). Естественно, они были учтены в настоящей публикации, равно как и их толкование.

80. В обычной практике это первые слова призыва к молитве вообще. В данном случае это — указание на призыв к вечерней молитве, означающий конец общемуслманского поста в месяце рамадане.

81. Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. Издание второе. М., 1986. Сура 35, стих 31 (34).

82. Этим элементом декоративного украшения рукописной книги, предваряющим собственно текст либо его украшающим и обрамляющим, мы переводим здесь термин

дибаче (арабизированная форма среднеперсидского *дибаз*), означавший парчу, т. е. тяжелую дорогую ткань, затканную золотыми и серебряными нитями в разнообразных узорах. Этот элемент был как ординарным, т. е. когда различными геометрическими и растительными узорами в красках, серебре и золоте расписывалась одна сторона начального листа рукописи (либо его часть), так и развернутым, когда в таком же ключе оформлялись развороты двух и более последовательно идущих листов. Например, лл. 16—2а, 26—3а и т. п. Об эволюции этого декоративного элемента см.: О. Akimushkin, A. Ivanow. *Art of illumination. — The Arts of the Book in Central Asia 14th — 16th Centuries*. London. 1979, p. 35—50.

83. Элемент декора рукописи, выделяющий или вводящий главу или раздел сочинения. Заставка-разделитель прямоугольной (реже — фигурной) формы, украшенная растительным орнаментом-узором по монохромному (как правило) полю. Может являться внутренним компонентом украшения и составной частью любого вида фронтисписа *дибаче*.

84. Составной декоративный элемент фронтисписа-*дибаче*: картуш как пальметовидной формы, так и в виде стилизованного зубца крепостной стены или цветка лилии. Как правило, подобные картуши помещали либо полностью внутри бордюра фронтисписа-*дибаче*, либо с выходом за его края на поля страницы. В. М. Такстон понимает под этим термином шпилевидные линии=лучи синего цвета, радиально расходящиеся от медальона-роzetки. *A Century of Princes*, p. 324. note 8.

85. В данном случае речь идет не о простой переписке, а о прямой копии, факсимильном воспроизводстве оригинала. Хвādжа — почетное прозвание, которое прилагалось к знаменитому каллиграфу Йа^акуту Муста^асими (ум. 1298). Согласно ^аАбд ар-Раззаку Самарканди (изд. Шафи` II, 2-3, 655), именно Шамсу Байсунгури удалось таким образом воспроизводить манеру письма Йа^акута, что знатоки принимали сделанное им за подлинник работы Йа^акута.

86. Имеется в виду список исторического труда ^аАла ад-Дина Джувайни "Тārīх-и Джахāнгушāй", переписанный этим мастером и хранящийся ныне в РНБ в С.-Петербурге. Подробнее см. выше список дошедших до нас рукописей.

87. По всей видимости, здесь персидское слово *киштй* (судно, ковчег) применено вместо аналогичного по значению арабского *сафйне*. Обычно так называли поэтические сборники-альбомы, которые отличались своей ярко выраженной продолговатой формой и высота которых была значительно меньше их длины. К подобному типу сборников прилагался также термин *джунг* (видимо, от китайского *джонка*). Последний термин был отмечен в первой трети XIV в. в Индии Ибн Баттуттой.

88. В тексте четкое написание — *хуб*. Что, судя по смыслу, является несомненной опиской — точка поставлена сверху, а должно быть — *чуб*, когда точка стоит внизу.

89. В чтении данного фрагмента мы следуем за П. А. Эндрюсом (P. A. Andrews. *The Tents of Timur. An Examination of Reports on the Quriltay at Samarqand, 1404. — Arts of the Eurasian steppelands*. London, 1978, p. 168).

90. Чтение предположительное. В тексте ясно видны две точки сверху, внизу же их нет.

91. Весь этот пассаж, изобилующий редкими техническими терминами, весьма трудно поддается адекватному переводу. Чтение У. Такстона представляется нам более предпочтительным (*A Century of Princes*, p. 326—327). Ср. также перевод П. А. Эндрюса (ук. соч., 167).

OLEG F. AKHIMUSHKIN

BAYSUNGHUR-MIRZA'S ROLE IN CULTURAL AND POLITICAL LIFE OF TIMURID KHORASAN SULTANATE (The First Third of XVth Century)

The personality of Timur's grandson Ghiyath al-Din Baysunghur-mirza (1397—1433 A. D.) has not excited any noticeable interest from Russian (homeland) historians and orientalists and they have not paid him sufficient attention in their scientific studies.

Baysunghur-mirza was de-facto a successor of his father Shahrukh (1376—1447 A. D.) and his alter ego as well, holding the highest posts in the state system of Khorasan sultanate after the latter.

As a politician, administrator, commander and sponsor Baysunghur-mirza is doubtless to be paid not less (if not much more) attention by historians that his older brother Ulughbek (1394—1449) who became well-known just because of his hobby-passion for astronomy and mathematics.

The present article includes also the translation into Russian of the famous "Petition" (*ʿarḏadāsh*t) of Jaʿfar Baysunghuri addressed to his patron concerning the activity of the court library-workshop (*kitābkhāneh*). The entire article is written on the base of those materials extracted from nine Persian and one Turk (Chaghatag) XV—XVI century sources.